

Теоретические дискурсы и дискуссии

DOI: 10.19181/inter.2025.17.2.1
EDN: BLGCNZ

Размывание возрастных границ и нормативности старения: обзор основных теоретических подходов

Ссылка для цитирования:

Парфенова О. А., Петухова И. С. Размывание возрастных границ и нормативности старения: обзор основных теоретических подходов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 2. С. 11–34. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.1> EDN: BLGCNZ

For citation:

Parfenova O. A., Petukhova I. S. (2025) Blurring Age Boundaries and Normativity of Aging: A Review of Key Theoretical Approaches. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 2. P. 11–34. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.1>

Парфенова Оксана Анатольевна

Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: oparfenova@socinst.ru

Петухова Ирина Сергеевна

Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: irini-ptz@yandex.ru

Статья представляет комплексный обзор эволюции теоретических подходов к изучению старения в социальных науках, раскрывая их взаимосвязь с изменениями социальной политики в отношении людей старшего возраста. Цель работы — рассмотреть, как различные теоретические концепции формируют основания для размывания жестких возрастных границ и нормативности старения и как достижения социальных наук отражаются в практических мерах социальной политики. Авторы проводят анализ ключевых концепций и подходов (успешного/активного старения, критической и культурной геронтологии,

перспективы жизненного пути и старения на месте), демонстрирующих переход от биодетерминизма к пониманию старения как социально конструируемого процесса, и выявляют их роли в формировании современных политик долголетия. В статье показано, что смена парадигм в исследованиях старения (от медицинской модели к социально-культурной) отражает глобальные вызовы второго демографического перехода. Авторы приходят к выводу, что современные теории старения и меры социальной политики в отношении людей старшего возраста в определенной степени синхронизированы. Размытие жестких возрастных границ по-своему выгодно государствам, заинтересованным в продлении экономически активного периода жизни людей старшего возраста. Отдельные концепции старения используются для подтверждения и оправдания мер социальной политики. Внимание практиков к достижениям социальных наук в области старения требует ответственного, критического подхода исследователей к изучению инклюзивного старения, вновь возникающих неравенств и прав пожилых на автономию.

Ключевые слова: социология старения; успешное старение; активное долголетие; критическая геронтология; культурная геронтология; старение на месте; концепция жизненного пути; постпандемийная реальность

Увеличение доли пожилых людей в структуре общества стало своего рода вызовом XX века не только для социальной науки, но и для практиков, вынужденных спешно адаптировать социальную политику под изменяющийся состав населения. Старение обществ названо ООН одним из важнейших глобальных вызовов для социальной политики на ближайшие 20–30 лет, поскольку этот процесс так или иначе затрагивает всех¹. Власти государств заинтересованы в том, чтобы снижать расходы на поддержку стареющего населения и как можно дольше удерживать пожилых в роли «взрослых» — работающих и потребляющих экономически активных субъектов. Множество публикаций посвящено необходимости пересмотра принципов пенсионного и трудового законодательства, систем страхования, социального и медицинского обслуживания, а также учета различий между поколениями с их уникальными потребностями и возможностями. Также подвергаются анализу уже предпринятые меры социальной политики и их последствия [Uhlenberg, 1992; Restrepo, 1994; Lloyd-Sherlock, 2000; Kaplan, Inguanzo, 2017].

Параллельно с поиском социально-политических решений социальные науки вносят свой вклад в изучение того, как в современных обществах изменяются представления о возрасте и старении. Социология старения изначально обращалась к общей социологии в поисках теоретических подходов, долгое время оставаясь практико-ориентированной областью. Однако сами процессы старения населения оказали существенное влияние на пересмотр основных социологических положений, связанных с неравенством,

¹ Government Policies to Address Population Ageing // United Nation. 2020 URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesapd_2020_pf_government_policies_population_ageing.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

культурными паттернами и трансформацией «общества труда» [Kohli, 1988]. Появление длительного периода жизни, не связанного с занятостью на рынке труда, способствовало формированию новой социальной реальности, в которой труд перестал быть единственным источником идентичности и статуса. Старение стало самостоятельным и важным этапом жизни и объектом исследования. В итоге старение как объект изучения социальных исследователей окончательно социологизировалось и стало восприниматься как явление во многом социально конструируемое и зависящее не только и не столько от биологических детерминант, но и от социальных и культурных норм, экономических и политических структур [Powell, Hendricks, 2009].

Сегодня уже очевидно, что старение как явление и как объект исследования выходит за привычные рамки социальной политики, политики занятости или социального обеспечения. Принадлежность же к старшему поколению начинает рассматриваться как особая идентичность, которая трансформируется в различных условиях и становится культурно обусловленной и конструируемой, так как пожилые люди придают этой фазе жизни разные смыслы и ставят перед собой разные задачи [Wanka et al., 2015]. Старение как предмет изучения социальных наук имеет и свои формы институционализации через создание и развитие тематических журналов, регулярное включение тематики старения в программы крупных международных конференций по социальным наукам, появление исследовательских проектов и даже специализированных научно-исследовательских организаций [Парфенова, 2024].

Объективный процесс второго демографического перехода стал одновременно серьезным вызовом для полисимэйкеров и объектом пристального внимания социальных исследователей. Это обусловило взаимное влияние социальных наук и политических программ адаптации к процессам старения. Многие политические меры по продлению экономической и социальной активности населения не просто согласуются с теориями социальной геронтологии об успешном/здоровом и впоследствии активном долголетии, но и базируются на подходах геронтологов и социологов. Практическая проблема отодвигания границы недееспособности на более поздний срок обнаруживает тесные связи с социологическим осмыслением того, что для современного человека означает возраст и старение как этап жизни. Цель данного обзора — рассмотреть, как социологические теоретические концепции формируют основания для размытия жестких возрастных границ и нормативности старения и как достижения социальных наук отражаются в практических мерах социальной политики в отношении людей старшего возраста.

Успешное старение: происхождение концепции и ее дрейф в сторону активного долголетия и основания для политических мер

Одним из первых вопросов о критериях успешного старения (successful ageing) сформулировал Роберт Хавигхерст в одноименной работе в 1961 году. Хавигхерст рассматривает две противоположные теории успешного

старения — теорию активности (activity theory), предполагающую сохранение активностей и установок среднего возраста так долго, как это возможно, и теорию разъединения (disengagement theory), предполагающую отстранение от активной жизни с наступлением возраста, делая выбор в пользу теории активности [Havighurst, 1961]. Впоследствии западные геронтологи придерживаются в своих работах именно теории активности. Позже заметный вклад в развитие концепции успешного старения вносят Джон Роуи и Роберт Кан в своей знаменитой статье, посвященной обычному и успешному старению. Они поднимают вопрос о гетерогенности пожилых как группы и формулируют важный вывод о том, что внешние факторы, влияющие на здоровье, зависят от самих людей: питание, привычки, образ жизни во многом определяют их состояние здоровья в старости и способны отсрочить, а иногда и предотвратить заболевания и наступление нежелательных возрастных изменений [Rowe, Kahn, 1987]. В данном случае старение уже рассматривается как вполне программируемый процесс, на который можно влиять.

Впоследствии авторы конкретизировали модель успешного старения, включив в нее предотвращение инвалидности, поддержание физических и когнитивных функций и участие в социальной и продуктивной активности [Rowe, Kahn, 1997]. Работы Роуи и Кана способствовали серьезным сдвигам в исследованиях старения: в медицинской науке произошел переход от парадигмы лечения болезней к их предотвращению. Их концепция успешного старения породила и множество последующих исследований, посвященных переходу от обычного старения, при котором не учитывается возможность влиять на внешние факторы, и старение воспринимается как биологическая данность, к успешному, когда и политические меры, и действия самого субъекта во многом влияют на внешние условия, в которых происходит старение. Однако такой подход породил волну критики, в частности, за то, что авторы уделяют слишком большое внимание индивидуальным факторам и личной ответственности за успешное старение, но недостаточно учитывают структурные ограничения, в том числе неравенства, расу, гендер, доступ к ресурсам и т.п. [Bülow, Söderqvist, 2014; Martinson, Berridge, 2015; Stowe, Cooney, 2015].

В более широком смысле возникновение концепции успешного старения связано с политическим управлением жизнью и смертью на индивидуальном и популяционном уровнях, а также с доминирующими дискурсами неолиберальной политики, которые подчеркивают индивидуальную ответственность [Bülow, Söderqvist, 2014]. С 1970-х годов под влиянием экономических кризисов и неолиберальной идеологии начался пересмотр роли государства в обеспечении старости. Государства меняют политики параллельно со сменой идеологий и начинают рассматривать пожилых не как бремя, а как ресурс [Walker, Foster, 2013]. Это приводит к трансформации концепции в политическом поле из успешного в активное старение (active aging), или, как принято в русскоязычном дискурсе, активное долголетие².

² В академическом же поле попытки переопределить успешное старение, его критерии и влияющие факторы не прекращаются [Estebansari et al., 2020].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) приняла термин «активное старение» в конце 1990-х годов и сыграла важную роль в его быстром распространении [Walker, 2002]. Активное долголетие становится важным политическим инструментом и стимулирует разработку политики в области старения в тех странах, где эта концепция поддерживается на государственном уровне. Индекс активного долголетия (ИАД) является одним из ключевых инструментов, используемых властями для измерения активности пожилых людей, для оценок старения и выработки мер. И саму концепцию активного долголетия, и непосредственно ИАД активно критикуют за их нормативизм и предписывание активности, моделирующие подход, не учитывающий культурные и социальные контексты, а также различающиеся ресурсы и предпочтения пожилых [см., например, Van Dyk, 2014; De São José et al., 2017]. Исследования показывают, что существует сложная взаимосвязь между типом активности, удовлетворенностью жизнью и субъективным опытом пожилых людей. В частности, опыт одиночества и уединения не всегда воспринимается как негативный, а может включать в себя конструктивные практики, такие как размышления, отдых и занятия, представляющие личный интерес [Versey, 2015; Елютина, Трофимова, 2017]. Удовлетворенность жизнью, в свою очередь, детерминируется множеством взаимосвязанных факторов, включая индивидуальные представления о благополучии, возможности выбора различных видов деятельности, состоянии здоровья и финансовой обеспеченности, которые могут варьироваться в зависимости от возрастной когорты [Formosa, 2019].

Проблема взаимосвязи между активностью и зависимостью отдельно подчеркивается исследователями, которые пишут о том, что концепция активного долголетия должна распространяться и на тех пожилых людей, которые в силу возраста или состояния здоровья являются зависимыми от посторонней помощи [Boudiny, 2013].

В настоящем же виде концепция имеет своего рода капиталистическое обрамление и ориентирована на активность во всех ее проявлениях, игнорируя существующие неравенства [Van Dyk, 2014]. Таким образом, необходим более нюансированный подход к пониманию взаимосвязи между активностью, субъективным благополучием и опытом пожилых людей, учитывающий контекстуальные и личные особенности. Подходы критической и культурной геронтологии предлагают более глубокий анализ социальных, культурных и политических контекстов старения, выходя за рамки нормативных и позитивистских моделей активного долголетия.

От критической геронтологии — к культурной

Термин «геронтология» предложил еще в XIX веке русский врач и ученый Илья Мечников для обозначения изучения возрастных изменений не только биологических, но и поведенческих и социальных наук [Mulley, 2012]. Однако широкое распространение он получил в 1960-е годы благодаря Кларку Тиббитсу, начавшему активно использовать этот термин для того, чтобы учитывать

влияние социальных факторов и сил на старение. К этим силам он относил роли и статус пожилых, то, как старики воспринимаются в обществе и в какой степени их поведение определяется нормативными ожиданиями общества [Tibbits, 1960; Cox, Newton, 1993]. Таким образом, социальная геронтология воплощает в себе мультидисциплинарный подход не только в практической медико-социальной работе с пожилыми, но и в изучении старения.

В ответ на развитие социальной геронтологии в 1970-х и 1980-х годах возникло критическое направление, стремящееся к более глубокому анализу социальных и политических аспектов старения. Одним из основоположников критической геронтологии является Кэрол Истес, американский социолог, чьи работы с 1970-х годов активно критиковали доминирующие теории старения. Истес призвала учитывать политические и экономические факторы, формирующие опыт пожилых людей. В своей работе «The Aging Enterprise» [Estes, 1979] Истес утверждала, что старение необходимо рассматривать в контексте социального неравенства, властных отношений и влияния государственной политики. Эта публикация, а также последующие многолетние исследования Истес оказали значительное влияние на развитие критической геронтологии и подходов к изучению старения. Истес и ее коллеги одними из первых выявили взаимосвязь между феминизацией бедности и уязвимостью пожилых женщин, продемонстрировав, как гендерное неравенство усугубляется в контексте старения [Estes, 1984]. Отличительной чертой подхода Истес является его междисциплинарность, интегрирующая социологию, политическую экономику, феминистскую теорию и критический анализ политики в отношении старения. Тем не менее дебаты о теоретическом фундаменте геронтологии не прекратились.

В середине 1990-х годов ученые приходят к выводу, что несмотря на использование таких популярных теоретических перспектив, как социальный конструктивизм, феминизм, критическая теория и т.п., усилия по развитию теоретического изучения старения недостаточны, и эмпирические данные слабо объясняются. Необходимы более сложные теоретические модели, которые будут учитывать взаимосвязь между личными ресурсами, социальными структурами и культурными контекстами, а также влияние глобальных процессов на старение [Bengtson, Burgess, Parrott, 1997]. Дискуссии продолжались. Ввиду того, что возраст как таковой не является чем-то естественным и фиксированным, для его анализа социологи используют такие понятия, как статус, роль, норма [Laz, 1998]. В зависимости от величины возраст предполагает определенный набор статусов и ролей и, как следствие, общественных ожиданий. Таким образом, возраст можно рассматривать как постоянный перформанс, характеризующийся тем, насколько носитель возраста соответствует или не соответствует общественным ожиданиям. Однако попытки концептуализировать возраст, поставив его в один ряд с расой и гендером, и рассматривать как полностью социальный конструкт [Laz, 1998] поначалу не увенчались успехом. Ограничения социального конструирования в случае с возрастом (в отличие от расы и гендера) наиболее заметны как раз на примере детей и пожилых. Тем не менее дискуссии привели к трансформации взгляда на возраст, который стал рассматриваться как процесс и результат

одновременно — ситуационный и создающийся во взаимодействии. Такой взгляд нашел отражение в целом ряде дисциплин (социологии, геронтологии, антропологии, гендерных исследованиях и т.д.) и способствовал появлению культурной геронтологии [Лаз, 2019].

На сегодняшний день культурная геронтология относительно новое и популярное направление. Она пересекается с критической геронтологией, имеющей гораздо более долгую историю, в стремлении деконструировать определение и понимание возраста. Однако, в отличие от критической геронтологии, которая укоренена в политических и экономических структурах, формирующих возрастную опыт невыгодным образом, культурная геронтология устремлена в сферу культуры [Twigg, Martin, 2015]. В фокусе культурной геронтологии находятся нормы, ценности, практики и моральные установки, касающиеся пожилого возраста [Edmondson, 2013]. В более широком смысле возникновение культурной геронтологии связано с так называемым культурным поворотом в социальных науках, подразумевающим особое внимание к теоретико-методологическим и историко-социальным аспектам [Nash, 2021]. Применительно к изучению возраста и старения это позволило отойти от хронологического/медицинского определения возраста и рассматривать его как нечто текучее и культурно конституируемое, а сам опыт старения как изменяющийся, разнообразный, менее интегрированный в социальные структуры и более подверженный культурному влиянию [Blakie, 1999; Gilleard, Higgs, 2000; Twigg, Martin, 2015]. Сегодня возраст рассматривается сквозь призму интерсекциональности, которая изучает социальные явления через пересечения множественности идентичностей и позиций, разрушающих старые и создающих новые доминирующие интерпретации позднего этапа жизни [Gilleard, Higgs, 2015]. Кроме того, возраст рассматривается как стратифицирующая система наряду с гендером и расой. Возраст определяет доступ к ресурсам и возможностям [Johfre, Saperstein, 2023]. Сдвиг представлений о возрасте как о константе в сторону его сконструированности и перформативности органично переплетается с развитием подхода жизненного пути (life course approach), подвергающего анализу все этапы жизни и меняющего понимание границ возрастных переходов.

Старение в контексте перспективы жизненного пути (life course approach)

Подход жизненного пути (life course approach) позволяет анализировать динамическую сторону жизни [Андреенкова, 2024], события которой взаимосвязаны с изменяющимся историческим и социальным контекстом [Андреенкова, Медведева, 2024]. Личная биография рассматривается как динамичный процесс, множественный и фрагментированный в эпоху постмодерна [Elder, 1995b; Kohli, 2007; Blossfeld, 2015; Ежов, 2005; Тыканова, Хохлова, 2016]. С одной стороны, социальные структурные факторы влияют на биографии индивидов, определяя схожесть ряда событий и этапов и даже времени их наступления,

например, законодательно установленный возраст выхода на пенсию. С другой — социальные отношения, в которые включены индивиды, личные решения и выборы определяют нелинейность и несхожесть личных биографий [Stowe, Cooney, 2015]. То есть события в личной биографии и время их наступления, временные рамки жизни, границы и этапы, наполнение этапов жизни диверсифицируются под воздействием демографических, экономических и социальных изменений [Marini, 1984; Henretta, 2003].

Глен Элдер-младший сформулировал принципы парадигмы жизненного пути: 1) осуществление индивидуальных выборов в рамках исторического и институционального контекста; 2) значение времени наступления событий в жизни; 3) развитие и взросление человека, происходящее в течение всей жизни, недискретность жизни; 4) взаимосвязь с жизнями других людей [Elder, 1995a]. Последние два принципа обеспечивают связи между социальными изменениями и индивидуальным развитием. Самостоятельность (личные решения и выборы) накладывается на структурные ограничения. Ричард Сеттерстен назвал это «самостоятельностью в рамках структуры» [Settersten, 2003]. Личные выборы, формирующие дальнейшие жизненные обстоятельства, возникают не только вследствие индивидуальных ожиданий, которые человек имеет в определенном возрасте, но и под влиянием общественных, экономических и культурных ожиданий, а также исторического времени и места, в котором они происходят [Giele, Elder, 1998]. Таким образом, индивидуальный жизненный путь — это совокупность выстроенных в особом порядке и взаимосвязанных событий и периодов, где одно событие является причиной или следствием другого, что образует единое целое, встроенное в макропроцессы [Андреенкова, Медведева, 2024].

Значимое дискретное событие на жизненном пути человека, ведущее к изменению социального положения, устройства его жизни, социальной идентичности и ролевой причастности, принято называть статусным переходом [Hutchison, 2010]. Статусные переходы могут сочетаться с возрастом, то есть некоторые события могут быть привязаны к возрасту, например, достижение совершеннолетия или возраста выхода на пенсию, тогда как другие события — не привязаны. Постепенное «отвязывание» событий от возраста создает перспективу нелинейности жизненного пути. Совокупность статусных переходов образует статусный пассаж — этап жизни, характеризующийся переходами сразу в нескольких сферах, что ведет к значительной перестройке жизни человека [Hutchison, 2010]. Разнообразный опыт, полученный на протяжении жизни, может привести в дальнейшем к разным результатам и к их различным интерпретациям как на индивидуальном, так и на культурном уровнях [Stowe, Cooney, 2015]. Например, полученное в молодости образование может по-разному влиять на взрослую жизнь или старость и по-разному оцениваться индивидом и обществом. Механизмы и процессы, описывающие влияние опыта предшествующих этапов на жизнь в более позднем возрасте, представлены в трех различных моделях жизненного пути [Berkman, 2009; Berkman et al., 2011; Hendricks, 2012]. Согласно первой модели, события или ситуации, происходящие на первых этапах жизненного пути, могут напрямую

влиять на события взрослой жизни, особенно тогда, когда они происходят в очень чувствительный или критический период развития [Berkman, 2009]. Для второй модели характерен анализ того, как жизненные ситуации ведут к накоплению рисков, которые затем обуславливают содержание поздних этапов [Berkman et al., 2011]. Наконец, согласно третьей модели, условия и события на ранних этапах жизненного пути могут косвенно влиять на содержание поздних этапов, формируя промежуточные жизненные ситуации, которые уже затем влияют на результаты в более позднем возрасте [Hendricks, 2012]. Таким образом, перспектива жизненного пути предлагает более сбалансированный взгляд на личную биографию и ее этапы, включая старение и «признавая существенную преемственность в процессах и закономерностях развития с течением времени, а также учитывая самостоятельность и изменения в контексте структурных ограничений» [Settersten, 2003; Stowe, Cooney, 2015].

Перспектива жизненного пути обеспечивает теоретическую основу для изучения возрастной идентичности, поскольку фокусируется на том, как каждое биографическое событие встроено в контекст жизненных траекторий человека [Elder, 1994; Marshall, Muller, 2003]. Мы рассматриваем возрастную идентичность как «субъективное восприятие индивидом своей собственной ситуации, складывающееся в результате его разнообразного социального опыта» [Goffman, 2009]. Возрастная идентичность индивида и приписываемые ей общественные ожидания меняются на протяжении жизненного пути. Важным свойством идентичности является категоризация себя как человека, играющего определённую социальную роль, и присвоение значений и ожиданий, связанных с этой ролью и ее исполнением [Stets, Burke, 2003]. Возраст в этом смысле является значимым параметром при соотношении себя с той или иной социальной ролью.

Крисс Гиллард анализирует возрастную идентичность (чувствуемый и осознаваемый возраст) как компонент социальной идентичности. Индивидуальный опыт (me-experience — формирование идентичности под влиянием социальных и культурных обстоятельств) и самокатегоризация (self-categorisation — отнесение себя к той или иной группе) — два принципиально разных компонента самоидентификации [Gilleard, 2022]. При этом возраст является социально опосредованной категорией, то есть процесс возрастного самоопределения происходит под влиянием социальных и культурных факторов, общественных ожиданий и взаимодействий [Лаз, 2019; Gilleard, 2022].

Возрастная идентичность текуча и изменчива — возраст меняет свою форму даже в течение относительно коротких промежутков времени [Kotter-Grühn et al., 2015], что отличает возрастную идентичность от других, более стабильных идентичностей (пол, раса или сексуальность). На пересечении возрастной идентичности с другими (пол, раса, профессиональный статус и др.) создаются дискурсивные конструкции, и определенные идентичности выходят на первый план, так что одна идентичность становится для индивида более важной, чем другая [Ainsworth, Hardy, 2007]. Так, возрастная идентичность может выходить на первый план при «возрастных щелчках» — напоминаниях, в каких обстоятельствах нам и другим необходимо «вести себя по возрасту»

[Лаз, 2019]. Осознание возрастной идентичности может меняться в соответствии со временем и жизненным опытом. Переходы на протяжении жизни из одной социально-возрастной группы в другую влекут за собой новую возрастную идентичность в соответствии с правилами и характеристиками новой социальной группы [Montepare, 2009]. Негативное отношение к старению и пожилым способствует тому, что человек будет стремиться к отказу от идентификации себя как пожилого/старого, то есть члена этой социально-возрастной группы [Chonody, Teater, 2016; Елютина, 2023].

Различия в восприятии опыта в одной и той же возрастной группе выражаются как субъективное восприятие возраста, «субъективное восприятие старения», или «субъективное старение» [Diehl et al., 2015]. Обобщающее понятие субъективного старения включает в себя: самовосприятие старения (как люди переживают процесс своего старения); стереотипы о старости (убеждения о типичных характеристиках пожилых людей); возрастную идентичность (определение себя по возрастной группе); осознание изменений, связанных с возрастом (изменения в опыте, которые повышают осведомленность о старении); субъективный возраст (насколько старым человек себя воспринимает) [Kotter-Grühn et al., 2015]. Таким образом, возрастная идентичность — это не объект ранее существовавшей реальности, а опыт индивида в этой реальности [Carr, 2016], то есть содержание этого опыта не нормативно и индивидуально. Существующие границы жизненных этапов условны и носят в большей степени направляющий характер, нежели предписывающий, что дает возможность индивидуального планирования жизненной траектории [Андреенкова, 2025].

Сильная сторона концепции жизненного пути в изучении старения заключается в рассмотрении старения именно как этапа жизни, а не результата, с которым сам человек/власти/общество имеют дело. Этот этап связан с предшествующими этапами жизни (способ проживания старости закладывается в молодости). Переход к этапу старения утрачивает четкие возрастные границы, субъективируется и индивидуализируется. Тем не менее для выработки политических мер представления о непрерывности жизненного пути, о молодости как подготовке к старости представляются важными.

Накопленные за годы социальные связи и привычные условия жизни существенно влияют на качество жизни человека в пожилом возрасте. Долгосрочные факторы формируют основу для понимания того, как именно, где и с кем предпочтительно стареть. В этом смысле концепция старения на месте (ageing-in-place) согласуется с подходом жизненного пути и мы включаем ее в свой обзор.

Концепция старения на месте (ageing-in-place)

Интерес к концепции старения на месте, или старения по месту жительства, наиболее известной в англоязычной литературе как ageing-in-place, возник в ответ на увеличение возрастной группы пожилых, а также на признание того, что само старение и его условия не нормативны, и стареть предпочтительно

в той среде, которая считается привычной и освоенной человеком. Всемирная организация здравоохранения определяет ageing-in-place как возможность людей жить дома, в выбранном ими месте и сообществе³. Перемещение на новое место жительства часто воспринимается пожилым человеком как драматичный поворотный момент в биографии, переход к финальному этапу жизни. Ageing-in-place позволяет избежать резких перемен и сохранить для человека старшего возраста привычную среду и бытовые условия, социальные связи. Так, ageing-in-place поддерживает непрерывное развитие биографии человека, позволяет сохранять чувство идентичности и принадлежности к месту проживания.

Старение на месте как концепция относительно недавно привлекла внимание российских исследователей, а в зарубежной литературе она изучена довольно подробно. Европейские социологи считают, что проживание в привычной среде желательно для пожилых людей, которые «должны иметь возможность жить независимо при условии, что их состояние здоровья позволяет им это делать, и что в той среде, в которой они проживают, имеется адекватное жилье и социальная поддержка» [Pani-Harreman et al., 2021]. Ключевые элементы успешного старения на месте обобщены в аббревиатуре HIPFACTS: здоровье, информация, практическая помощь, финансы, активность (физическая и умственная), компания (семья, друзья, соседи, домашние животные), транспорт, безопасность [Grimmer et al., 2015].

Привлекательность ключевых идей старения на месте способствовала расширению направлений использования концепции. Синонимами ageing-in-place в западной литературе считаются интегрированное старение (inclusive aging), независимая жизнь (independent living), здоровое старение (healthy aging), жилье для пожилых (senior housing), жизнь дома (aging at home) [Pani-Harreman et al., 2021]. Такие проекты старения стали возможны благодаря постепенному отказу от представлений о старости как о болезни, времени угасания и изоляции. В политических программах и документах отмечается, что интегрированное старение является наиболее благоприятным с точки зрения обеспечения качества жизни пожилых: процент пожилых людей, живущих дома, независимой жизнью, является одним из ключевых показателей эффективности социальной политики в Европе⁴.

В зарубежной и отечественной литературе ageing-in-place противопоставляется старению в учреждениях долговременного ухода [Grimmer et al., 2015; Григорьева, Петухова, 2022]. Таким образом, ageing in place — это позитивный подход к старению с сохранением независимости и индивидуально подобранными видами помощи [Symonds, Kelly, 1998; Zhao et al., 2014] так долго, как это возможно [Horner, Boldy, 2008]. Независимая жизнь способствует поддержанию чувства уверенности в себе, самоуправлению и повышает самооценку [Milligan, 2009].

³ Concept Note: International Technical Meeting “Aging Place” // Quebec. URL: <https://extranet.who.int/agefriendlyworld/wp-content/uploads/2018/12/Concept-note.pdf> (дата обращения: 14.04.2025).

⁴ Global Age Watch Index 2015: Insight report // Help Age International. URL: <https://www.helpage.org/resource/global-agewatch-index-2015-insight-report/> (дата обращения: 14.04.2025).

Исследователи отмечают широту самой концепции *ageing-in-place*, разноплановость ее трактовки с точки зрения географических, исторических и культурных условий. То есть сама концепция не создает каких-то нормативных представлений о том, как, где, в каких условиях стареет человек. На выбор пожилых людей оставаться в своем собственном доме как можно дольше значительное влияние оказывают не только политические меры или режим заботы, действующий в государстве [Kremer, 2006], но и собственные индивидуальные потребности [Machielse, 2016; Vermij, 2016].

Нидерландские авторы обзора, который посвящен анализу существующих определений *ageing-in-place*, выделили пять ключевых тематических направлений использования концепции в исследовательской литературе [Pani-Harreman et al., 2021]. В первом направлении акцент делается на самом понятии «место» и на его связи с процессом старения, что подчеркивает значимость пространства и среды для пожилых людей.

При этом для исследователей характерен целостный взгляд на место, включающий дом, пространство вокруг дома (домашняя среда) и район [Wanka, Moulaert, Drilling, 2018]. То есть важно пребывание человека не только в собственном доме, но и в знакомой среде, к которой люди чувствуют свою принадлежность. Отношения «человек — место» («человек — окружающая среда») создают чувство привязанности к «своему» месту (*sense of place*) [Buffel et al., 2013; Wanka, Moulaert, Drilling, 2018]. Место формирует определенные социальные связи, чувство безопасности и чувство идентичности со средой и ее обитателями [Wiles et al., 2012]. Привязанность к месту аккумулирует в себе социальное, психологическое, экологическое, функциональное, эмоциональное значение места, и эта связь «человек — место» усиливается с течением времени [Butcher, Breheny, 2016]. Чем старше человек и чем дольше он живет на определенном месте, тем сильнее он чувствует связь с этим местом и его жителями.

Второе направление посвящено анализу роли социальных сетей и межличностных отношений и влиянию их на качество жизни людей старшего возраста. Интегрированная старость характеризуется социальной сплоченностью и вовлечением в деятельность местного сообщества [Pani-Harreman et al., 2021], помогающими предотвратить одиночество и социальную изоляцию [Sixsmith, Sixsmith, 2008]. Лена Дальберг, Киеран Уолш и другие исследователи отмечают, что городская и сельская среда могут значительно отличаться наличием и теснотой социальных контактов, а также их потенциалом поддержки [Dahlberg, 2019; Walsh et al., 2020]. С одной стороны, сельская среда характеризуется персонифицированным режимом коммуникации, что ведет к образованию тесных социальных связей и сетей поддержки. С другой — сельские территории могут выступать триггерами социального исключения ввиду ограниченности социальных связей и контактов [Walsh et al., 2020].

В рамках третьего направления исследователи фокусируют внимание на поддержке, обеспечивающей устойчивое проживание пожилого человека в привычной и освоенной среде. В литературе упоминается два вида поддержки: формальная и неформальная. Формальная поддержка включает в себя

инфраструктуру, объекты и услуги, которые доступны: магазины, аптеки, общественный транспорт, медицинские и социальные услуги [Dobner et al., 2016]. Отсутствие такой инфраструктуры — серьезное препятствие для старения на месте. Неформальная поддержка — это помощь членов семьи, соседей, друзей, сообщества в целом. Развитие неформальной поддержки может существенно смягчить инфраструктурные недостатки [Wilkinson-Meyers et al., 2014]. Особенно важна поддержка соседей и сообщества, когда пожилые живут далеко от членов своей семьи [Dobner et al., 2016].

Четвертое направление посвящено изучению того, как различные технологии могут способствовать сохранению автономии и безопасности проживания людей старшего возраста в привычной среде. Мейка Ло и др. называют широкий спектр технологий: трости, ходунки, инвалидные коляски, лестничные подъемники, специальные автомобили, системы безопасности, специальная обувь, биотехнологии, цифровые устройства, вспомогательные устройства и др. [Loe et al., 2010]. В зарубежной литературе отмечается сокращение страха перед технологиями и расширение их использования ввиду ряда преимуществ [Van Hoof et al., 2011]. Технологии обеспечивают контроль и безопасность, позволяют пожилым быть более мобильными и независимыми, поддерживать контакты с членами семьи, своевременно получать необходимые услуги.

Авторы пятого направления обращают внимание на психологические особенности и личные предпочтения пожилых людей, которые влияют на их способность и желание оставаться в привычном окружении. Ключевыми личностными характеристиками успешного старения на месте являются жизнестойкость, способность к адаптации, независимость, физическая и психическая активность, сохраненное здоровье [Grimmer et al., 2015]. По мнению исследователей, такой фактор старения на месте, как личные характеристики пожилых людей, изучен сравнительно слабо [Pani-Harreman et al., 2021], хотя необходимость в подобных исследованиях существует.

Российский контекст старения значительно отличается от западного. На выбор в пользу старения на месте в значительной степени влияют финансовые возможности, состояние интернатных учреждений, семейные имущественные отношения и пр. Дмитрий Рогозин, анализируя ограничения и возможности сельского старения, приходит к выводу, что на селе практически все ограничения и возможности парны: сокращен доступ к трудовой занятости, но увеличен — к работе на приусадебных участках, сельские жители старшего возраста редко путешествуют, но сохраняют физическую активность, болеют, но сохраняют интимность. Образование — единственный важный фактор сохранения интереса к жизни, который ничем не компенсируется для жителей села [Рогозин, 2018].

Анализируя заботу в сельской местности, российские исследователи отмечают, что в селе традиционно сохраняется ресурс общины, где забота о пожилых строится не только на семейных, но и на внесемейных, квазисемейных связях — между родственниками, соседями и односельчанами [Богданова, Галкин, Низамова, 2024]. В то же время в селе формируется новая этика

заботы, которую исследователи называют общинным менеджериализмом. Это означает, что традиционные общинные нормы сочетаются с управляемым, координированным и небезвозмездным характером заботы [Богданова, Галкин, Низамова, 2024]. Этика заботы на селе является не просто традиционной практикой, но «устойчивым коммуникативным проектом»: помощь соседей вписана в систему взаимного обмена и поддержки, что позволяет преодолеть инфраструктурный дефицит и снизить проблемы социальной изоляции [Богданова, Бредникова, 2013].

Елена Богданова рассматривает проблему социальной изоляции пожилых и инвалидов, актуальную для сельских территорий, где отсутствуют условия для реализации прав на образование, труд, мобильность и участие в общественной жизни [Богданова, 2019]. Мы считаем, что стихийное проживание пожилых людей в изолированных, практически заброшенных деревнях России нельзя рассматривать как реализацию принципа старения на месте. Это скорее указывает на сложности организации социального обслуживания на большой территории при наличии удаленных малонаселенных поселений [Григорьева, Петухова, 2022].

Концепция *ageing-in-place* становится достаточно популярной в литературе и практике. Она делает акцент на привязанности людей к своей независимости и предпочтении жить в знакомой, освоенной среде [Machielse, 2016; Vermij, 2016], что способствует поддержанию чувства самостоятельности, самоуправления, самоуважения [Milligan, 2009]. Опора на такие важные для каждого человека ценности объясняет преимущества концепции. Старение дома финансово менее затратно и для государства, и для самого человека [Horner, Boldy, 2008] по сравнению с институциональными формами заботы. Старение на месте положительно влияет на субъективное благополучие человека и способствует позитивному ожиданию будущего [Van Dijk et al., 2015]. Критика концепции заключается в неопределенности и размытости понимания привязанности пожилого человека к месту. Исследователи справедливо опасаются того, что чрезмерно позитивное восприятие концепции может способствовать изоляции пожилых, что особенно нежелательно, если речь идет об отдаленных неблагополучных районах [Dahlberg, 2019; Walsh et al., 2020] и неустойчивом состоянии здоровья людей старшего возраста [Means, 2007].

Старение на месте наряду с активным долголетием — востребованный государством подход, поскольку он позволяет совместить экономию бюджета (в данном случае на содержание пожилых в специализированных домах престарелых) с идеологией комфортной/счастливой жизни. Таким образом, академические дискуссии, идущие параллельно с развитием политик старения (в том числе как ответ на эти политики), способствуют развитию представлений о старении как сложном и многогранном процессе, а о пожилых — как о гетерогенной группе с разнообразными потребностями. Тем не менее пандемия, начавшаяся в 2020 году, внесла определенные коррективы в имеющиеся дискуссии и представления о возрасте, людях старшего возраста и старении на месте.

Постпандемийная реальность: что изменилось

Пандемия оказала существенное влияние на все социальные группы и институты, однако люди старшего возраста оказались в наиболее сложном положении. Можно сказать, что с наступлением пандемии вновь укрепил свои позиции медико-биологический подход к пониманию старения, при котором люди старшего поколения воспринимаются как однородная группа и исключительно сквозь призму (не)здоровья и рисков. При этом проблемы социальной изоляции и роста эйджизма отошли на задний план [Lewis et al., 2023]. Социальная включенность и активность оказались радикально ограничены для людей старшего возраста — в большей степени, чем для других возрастных групп. Тем самым была восстановлена значимость возрастных границ, которые дифференцировали общество по возрастным группам, обладающим разным объемом прав и возможностей [Григорьева, Богданова, 2020]. Биомедицинский подход, который был задействован при выработке социальной политики в отношении старших во время пандемии, способствовал закреплению эйджистских стереотипов о старении как негативном процессе и о пожилых как обузе для экономики и системы здравоохранения [Powell, 2024].

Сегодня пандемия официально закончилась, а COVID перешел в разряд сезонных заболеваний. Однако пандемия отчетливо продемонстрировала устойчивость медико-биологического взгляда на старение. Это проявилось в форме актуализации возрастных границ, появлении и закреплении новых (старых) форм неравенств. В этической плоскости произошел откат в сторону эйджистских стереотипов (см. печально известный тег Boomer Remoover)⁵ [Meisner, 2022]. В период пандемии важную роль сыграли социальные исследователи, которые активно изучали, описывали и делали публичными эффекты пандемии для пожилых. Множество публикаций было посвящено негативным последствиям ограничений для пожилых и критике политических мер борьбы с пандемией. Однако в некотором отношении можно наблюдать и сближение поколений посредством резко ускорившейся цифровизации. Так, в обзорах исследований фиксируется негативное влияние изоляции в период карантинных мер на психическое здоровье старшего поколения, но наряду с этим отмечается более активное использование пожилыми людьми технологий дистанционной коммуникации для общения с социальными работниками и с близкими [Kasar, Karaman, 2021]. Наши исследования в российском контексте также показывают, что пандемия значительно ускорила процессы повышения цифровой грамотности среди людей старшего возраста [Galkin et al., 2025]. Несмотря на то, что пандемия усугубила проблему неравенства между представителями разных возрастных групп, старшее поколение искало и находило свои способы совладания со стрессом и резкими социальными

⁵ «Boomer Remoover» — это сленговое, часто ироничное или даже провокационное прозвище коронавируса COVID-19, которое появилось в начале 2020 года в социальных сетях, особенно среди подростков и молодежи, подразумевает, что вирус сильнее поражает людей старшего поколения, так называемых бэби-бумеров.

изменениями в период пандемии, проявляя агентность и вырабатывая стратегии адаптации [Galkin, Grigorieva, 2024].

Один из важных эффектов пандемии состоит в том, что она продемонстрировала, как хрупки достижения современной гуманизации в отношении людей старшего возраста и как быстро уязвимые группы могут подвернуться давлению как на дискурсивном, так и на политическом уровнях. Это может служить важным уроком для всех возрастных групп.

Заключение и дискуссия

Социальный конструктивизм усиливает свою значимость в понимании возраста. Жизненный путь становится все более гибким и многогранным, стирая однозначные границы между юностью, взрослостью, зрелостью, старостью. Современные изменения в восприятии времени и опыта позволяют рассматривать этапы жизни не как фиксированные возрастные периоды, а как динамичные фазы развития, которые могут пересекаться и трансформироваться. В свою очередь, геронтологи более традиционно (в медико-биологических категориях) понимают отложенное, или отсроченное, старение (*delaying ageing*) — как продление периода здоровой жизни и отсрочку физиологических изменений, приводящих к болезни и инвалидности [Crimmins, 2015]. Инвестиции в медицинские технологии, помогающие отодвинуть старение, в перспективе могут быть более экономически выгодными для государств, чем борьба с отдельно взятыми заболеваниями [Goldman et al., 2013]. Однако, современные изменения в жизненных траекториях после 60 лет — расширение возможностей для продолжения трудовой деятельности, использование новых технологий и активное социальное вовлечение — свидетельствуют о трансформации поздних этапов жизни. Этот процесс отражает двунаправленное взаимодействие: старшее поколение стремится сохранить активность и качество жизни, а общество заинтересовано в продлении периода экономической и социальной активности. Откладывание старения становится важным элементом формирования современной жизненной траектории и социальной нормы [Григорьева, Парфенова, Галкин, 2023].

Наиболее популярные теоретические подходы к изучению старения и возраста, которые мы рассмотрели в этом обзоре, так или иначе закрепляют размывание возрастных границ и поддерживают многообразие сценариев старения, постепенно двигаясь к утверждению гетерогенности пожилых как социальной группы и настаивая на включении этих идей в современную политическую повестку. Опыт пандемии показал уязвимость теоретических концепций. В кризисной ситуации мгновенно вступают в силу медико-биологические, позитивистские представления о возрасте. Для выработки политических мер в отношении старения важной должна стать (и отчасти уже стала) идея непрерывности жизненного пути и того, что старость не существует отдельно от предшествующих этапов жизни, а подготовлена и обусловлена ими. Для социальных исследований в российском контексте

важно ответственно, внимательно и критически изучать процессы старения, обращать пристальное внимание на политику в отношении людей старшего возраста и изучать ее эффекты.

Литература / References

Андрееenkova A. B. Исследования жизненного пути — концептуальные и методологические подходы и решения // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 1. С. 6–24. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1> EDN: ADRPHA

Andreenkova A. V. (2024) Life Course Studies — Conceptual and Methodological Approaches and Solution. *Sociologicheskaja nauka i socialnaja praktika* [The Journal Sociological Science and Social Practice]. Vol. 12. No. 1. P. 6–24. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1>

Андрееenkova A. B. Нормативность представлений о возрастных границах основных жизненных этапов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 3–28. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2685>

Andreenkova A. V. (2025) Normative Age Perceptions of Major Life Phases. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1. P. 3–28. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2685>

Андрееenkova A. B., Медведева A. A. Динамика событийной структуры жизненного пути в России // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 3. С. 189–209. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.3.11> EDN: KQHANM

Andreenkova A. V., Medvedeva A. A. (2024) Dynamics of the Event Structure of the Life Course in Russia. *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 15. No. 3. P. 189–209. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.3.11>

Богданова Е., Бредникова О. (ред.) Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни. СПб: Алетейя, 2013.

Bogdanova E., Brednikova O. (eds.) (2013) *Vdali ot gorodov. Zhizn postsovetskoj derevni* [Far from the Cities. Life of the Post-Soviet Village]. SPb.: Aleteya. (In Russ.)

Богданова Е. Режим заботы о пожилых маломобильных людях в периферийных поселениях: успехи и неудачи в преодолении социального исключения // Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2019. С. 277–310.

Bogdanova E. (2019) Rezhim zaboty o pozhihlyh malomobilnyh lyudyah v periferijnyh poseleniyah: uspekhi i neudachi v preodolenii social'nogo isklyucheniya [Care Regime for Elderly People with Limited Mobility in Peripheral Settlements: Successes and Failures in Overcoming Social Exclusion]. *Kriticheskaya sociologiya zaboty: perekrestki socialnogo neravenstva* [Critical Sociology of Care: Crossroads of Social Inequality]. SPb.: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge. P. 277–310. (In Russ.)

Богданова Е., Галкин К., Низамова А. Этика соседской заботы о пожилых в российском селе: на пути к общинному менеджериализму // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 3. С. 285–313. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-285-313> EDN: EDN: FIPAIC

Bogdanova E., Galkin K., Nizamova A. (2024) Ethics of Neighborly Care for the Elderly in a Russian Village: Towards Community Managerialism. *Sociologicheskoe obozrenie* [The Sociological Review]. Vol. 23. No. 3. P. 285–313. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-285-313>

Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. Т. 12. № 2. С. 187–211. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211> EDN: WMGFWL

Grigoryeva I., Bogdanova E. (2020) The Concept of Active Aging in Europe and Russia in the Face of the COVID-19 Pandemic. *Laboratorium: zhurnal socialnyh issledovaniy* [Laboratorium: Russian

Review of Social Research]. Vol. 12. No. 2. P. 187–211. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>

Григорьева И. А., Парфенова О. А., Галкин К. А. Конференция «Продленная взрослость / отложенное старение во времена постковида и неопределенности» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 25. № 1. С. 258–262. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.10> EDN: MZWTKJ

Grigoryeva I.A., Parfenova O.A., Galkin K.A. (2023) Conference “Extended Adulthood / Delayed Ageing in a Time of Post-COVID and Uncertainty”. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 25. No. 1. P. 258–262. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.10>

Григорьева И. А., Петухова И. С. Теоретический подход «старение на месте» и возможности его популяризации в России // Успехи геронтологии. 2022. Т. 35. № 5. С. 662–667. DOI: <https://doi.org/10.34922/AE.2022.35.5.001> EDN: YUIPIV

Grigoryeva I.A., Petukhova I.S. (2022) Theoretical Approach “Aging-in-Place” and the Possibility of its Popularization in Russia. *Uspekhi gerontologii* [Advances in Gerontology]. Vol. 35. No. 5. P. 662–667. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.34922/AE.2022.35.5.001>

Ежов О. Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3. С. 22–33. EDN: OWJPBD

Ezhov O.N. (2005) The Paradigm of the Life Path in Foreign Sociology. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 8. No. 3. P. 22–33 (In Russ.)

Елютина М. Э. Концептуальная метафора старости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 2. С. 231–248. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.10> EDN: XKLWTG

Elyutina M.E. (2023) The Conceptual Metaphor of Old Age. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 23. No. 2. P. 231–248. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.10>

Елютина М. Э., Трофимова О. А. Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 1. С. 37–50. DOI: <https://doi.org/10.17323/1727-0634-2017-15-1-37-50> EDN: YJKOJN

Elyutina M.E., Trofimova O.A. (2017) Lonely Living Arrangements and Coping with Loneliness in Old Age. *Zhurnal issledovanij socialnoj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 15. No. 1. P. 37–50. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1727-0634-2017-15-1-37-50>

Лаз Ш. Веди себя по возрасту! // Социология власти. 2019. Т. 31. № 1. С. 146–179. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-146-179> EDN: ZDDDBB

Laz S. (2019) Act Your Age. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 31. No. 1. P. 146–179. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-146-179>

Парфенова О. А. Старение как объект исследования в социальных науках // Петербургская социология сегодня. 2024. № 24. С. 30–44. DOI: <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-24.2fb8-3j57> EDN: LZICTG

Parfenova O.A. (2024) Aging as an Object of Research in Social Sciences. *Peterburgskaya sociologiya segodnya* [St. Petersburg Sociology Today]. No. 24. P. 30–44. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-24.2fb8-3j57>

Розозин Д. М. Ограничения и возможности сельского старения // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 2. С. 86–101. DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2018-3-2-86-101> EDN: XWQYAP

Rogozin D.M. (2018) Challenges and Prospects of Rural Aging. *Krestyanovedenie* [The Journal of Peasant Studies]. Vol. 3. No. 2. P. 86–101. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2018-3-2-86-101>

Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Основные понятия и подходы в социологическом изучении жизненных путей // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2016. № 3. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.301> EDN: YNKQJR

- Tykanova E.V., Hohlova A.M. (2016) Key Concepts and Approaches in Sociological Life Course Studies. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University]. No. 3. P. 4–19. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.301>
- Ainsworth S., Hardy C. (2007) The Construction of the Older Worker: Privilege, Paradox and Policy. *Discourse & Communication*. Vol. 1. No. 3 P. 267–285. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750481307079205>
- Bengtson V.L., Burgess E.O., Parrott T.M. (1997) Theory, Explanation, and a Third Generation of Theoretical Development in Social Gerontology. *The Journals of Gerontology*. Vol. 52. No. 2. P. 72–88. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/52B.2.572>
- Berkman L.F. (2009) Social Epidemiology: Social Determinants of Health in the United States: Are We Losing Ground? *Annual Review of Public Health*. Vol. 30. P. 27–41. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.publhealth.031308.100310>
- Berkman L.F., Ertel K.A., Glymour M.M. (2011) Aging and Social Intervention: Life Course Perspectives. In: Binstock R.H., George L.K. (eds.) *Handbook of Aging and the Social Sciences*. New York: Academic Press. P. 337–351. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-380880-6.00024-1>
- Blakie A. (1999) *Ageing and Popular Culture*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Blossfeld H.-P., Skopek J., Triventi M., Buchholz S. (2015) *Gender, Education and Employment. An International Comparison of School-to-Work Transitions*. Northampton: Edward Elgar Publishing. DOI: <http://dx.doi.org/10.4337/9781784715038>
- Boudiny K. (2013) “Active Ageing”: From Empty Rhetoric to Effective Policy Tool. *Ageing & Society*. Vol. 33. No. 6. P. 1077–1098. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0144686X1200030X>
- Buffel T., Phillipson C., Scharf T. (2013) Experiences of Neighbourhood Exclusion and Inclusion among Older People Living in Deprived Inner-city Areas in Belgium and England. *Ageing & Society*. Vol. 33. No. 1. P. 89–109. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0144686X12000542>
- Bülöw M.H., Söderqvist T. (2014) Successful Ageing: A Historical Overview and Critical Analysis of a Successful Concept. *Journal of Aging Studies*. Vol. 31. P. 139–149. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jaging.2014.08.009>
- Butcher E., Breheny M. (2016) Dependence on Place: A Source of Autonomy in Later Life for Older Maori. *Journal of Aging Studies*. Vol. 37. P. 48–58. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jaging.2016.02.004>
- Carr D. (2016) The Stories of Our Lives: Aging and Narrative. In: *The Palgrave Handbook of the Philosophy of Aging*. London: Palgrave Macmillan. P. 171–185. DOI: http://dx.doi.org/10.1057/978-1-137-39356-2_11
- Chonody J.M., Teater B. (2016) Why Do I Dread Looking Old?: A Test of Social Identity Theory, Terror Management Theory, and the Double Standard of Aging. *Journal of Women & Aging*. Vol. 28. No. 2. P. 112–126. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/08952841.2014.950533>
- Cox H., Newton R. (1993) History of Social Gerontology. *Sociological Practice*. Vol. 11. No. 1. P. 16–32.
- Crimmins E.M. (2015) Lifespan and Healthspan: Past, Present, and Promise. *The Gerontologist*. Vol. 55. No. 6. P. 901–911. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/geront/gnv130>
- Dahlberg L. (2019) Ageing in a Changing Place: A Qualitative Study of Neighbourhood Exclusion. *Ageing and Society*. No. 40. P. 1–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0144686X1900045X>
- De São José J.M., Timonen V., Filipe Amado C.A., Pereira Santos S. (2017) A Critique of the Active Ageing Index. *Journal of Aging Studies*. Vol. 40. P. 49–56. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jaging.2017.01.001>
- Diehl M., Wahl H.-W., Brothers A., Miche M. (2015) Subjective Aging and Awareness of Aging: Toward a New Understanding of the Aging Self. In: *Subjective Aging and Awareness of Aging. Annual Review of Gerontology and Geriatrics*. Vol. 35. No. 1. P. 1–28. New York: Springer Publishing. DOI: <http://dx.doi.org/10.1891/0198-8794.35.1>
- Dobner S., Musterd S., Fortuijn J. (2016) “Ageing in Place”: Experiences of Older Adults in Amsterdam and Portland. *GeoJournal*. Vol. 81. P. 197–209. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10708-014-9613-3>

- Edmondson R. (2013) Cultural Gerontology: Valuing Older People. In: *Old Age in Europe*. Dordrecht: Springer. P. 113–130. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-94-007-6134-6_8
- Elder G. H. Jr. (1994) Time, Human Agency and Social Change: Perspective on the Life Course. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 57. No. 1. P. 4–15. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/2786971>
- Elder G. H. Jr. (1995a) Age Differentiation and the Life Course. *Annual Review of Sociology*. Vol. 1. P. 165–190.
- Elder G. H. Jr. (1995b) The Life Course Paradigm: Social Change and Individual Development. In: *Examining Lives in Perspective*. Washington DC: American Psychological Association. P. 101–139.
- Estebansari F., Dastoorpoor M., Khalifehkandi Z. R., Nouri A., Mostafaei D., Hosseini M., Esmaeili R., Aghababaeian H. (2020) The Concept of Successful Aging: A Review Article. *Current Aging Science*. Vol. 13. No. 1. P. 4–10. DOI: <http://dx.doi.org/10.2174/1874609812666191023130117>
- Estes C. L. (1979) *The Aging Enterprise*. San Francisco: Jossey-Bass. P. 98–102.
- Estes C. L., Gerard L., Clarke A. (1984) Women and the Economics of Aging. *International Journal of Health Services*. Vol. 14. No. 1. P. 55–68.
- Formosa M. (2019) Active Ageing in the Fourth Age: The Experiences and Perspectives of Older Persons in Long-term Care. *Geopolitical, Social Security and Freedom Journal*. Vol. 2. No. 1. P. 78–92. DOI: <http://dx.doi.org/10.2478/gssfj-2019-0008>
- Galkin K., Parfenova O., Petukhova I. (2025) Older People during the COVID-19 Pandemic in Rural and Urban Areas: Digital Technologies, Medical Care and Adaptation. *Working with Older People*. Vol. ahead-of-print. No. ahead-of-print. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/WWOP-12-2024-0085>
- Galkin K., Grigorieva I. (2024) Inequalities in the Pandemic and Post Pandemic Times of Older People. Case of Russia. *Working with Older People*. Vol. 28. No. 4. P. 463–476. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/WWOP-01-2024-0005>
- Giele J. Z., Elder G. H. (eds.) (1998) *Methods of Life Course Research: Qualitative and Quantitative Approaches*. Thousand Oaks: Sage. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781483348919>
- Gilleard C. (2022) Age, Subjectivity and the Concept of Subjective Age: A Critique. *Journal of Aging Studies*. Vol. 60. P. 1–28. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2022.101001>
- Gilleard C., Higgs P. (2000) *Cultures of Ageing: Self, Citizen and the Body*. London: Prentice Hall.
- Gilleard C., Higgs P. (2015) The Cultural Turn in Gerontology. *The Routledge Handbook of Cultural Gerontology*. London: Routledge. P. 29–37.
- Goffman E. (2009) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. New York: Simon and Schuster.
- Goldman D. P., Cutler D., Rowe J. W., Michaud P. C., Sullivan J., Peneva D., Olshansky S. J. (2013) Substantial Health and Economic Returns from Delayed Aging May Warrant a New Focus for Medical Research. *Health Affairs*. Vol. 32. No. 10. P. 1698–1705. DOI: <https://doi.org/10.1377/hlthaff.2013.0052>
- Grimmer K., Kay D., Foot J., Pastakia K. (2015) Consumer Views about Aging-in-Place. *Clinical Interventions in Aging*. Vol. 2015. P. 1803–1811. DOI: <https://doi.org/10.2147/CIA.S90672>
- Havighurst R. J. (1961) Successful Aging. *The Gerontologist*. Vol. 1. No. 1. P. 8–13.
- Hendricks J. (2012) Considering Life Course Concepts. *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 67. No. 2. P. 226–231. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbr147>
- Henretta J. (2003) The Life-Course Perspective on Work and Retirement. In: R. Settersten (ed.) *Invitation to the Life Course: Toward New Understandings of Later Life*. Amityville: Baywood. P. 85–105.
- Horner B., Boldy D. P. (2008). The Benefit and Burden of “Ageing-in-Place” in an Aged Care Community. *Australian Health Review*. Vol. 32. No. 2. P. 356–365. DOI: <https://doi.org/10.1071/AH080356>
- Hutchison E. D. (2010) A Life Course Perspective. *Dimensions of Human Behavior: The Changing Life Course*. Vol. 4. P. 1–38.
- Johfre S., Saperstein A. (2023) The Social Construction of Age: Concepts and Measurement. *Annual Review of Sociology*. Vol. 49. No. 1. P. 339–358. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-031021-121020>

- Kaplan M.A., Inguanzo M.M. (2017) The Social, Economic, and Public Health Consequences of Global Population Aging: Implications for Social Work Practice and Public Policy. *Journal of Social Work in the Global Community*. Vol. 2. No. 1. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.5590/JSWGC.2017.02.1.01>
- Kasar K.S., Karaman E. (2021) Life in Lockdown: Social Isolation, Loneliness and Quality of Life in the Elderly during the COVID-19 Pandemic: A Scoping Review. *Geriatric Nursing*. Vol. 42. No. 5. P. 1222–1229. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gerinurse.2021.03.010>
- Kohli M. (1988) Ageing as a Challenge for Sociological Theory. *Ageing and Society*. Vol. 8. No. 4. P. 367–394. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X00007169>
- Kohli M. (2007) The Institutionalization of the Life Course: Looking Back to Look Ahead. *Research in Human Development*. Vol. 4. No. 3–4. P. 253–271. DOI: <https://doi.org/10.1080/15427600701663122>
- Kotter-Grühn D., Kornadt A.E., Stephan Y. (2015) Looking Beyond Chronological Age: Current Knowledge and Future Directions in the Study of Subjective Age. *Gerontology*. Vol. 62. No. 1. P. 86–93. DOI: <https://doi.org/10.1159/000438671>
- Kremer M. (2006) The Politics of Ideals of Care: Danish and Flemish Child Care Policy Compared. *Social Politics*. Vol. 13. No. 2. P. 261–285. DOI: <https://doi.org/10.1093/sp/jxj009>
- Laz C. (1998) Act Your Age. *Sociological Forum*. Vol. 13. No. 1. P. 85–113. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1022160015408>
- Lewis C., Phillipson C., Yarker S., Lang L. (2023) A Sociological Analysis of the Impact of COVID-19 on Older People. In: *COVID-19, Inequality and Older People*. Bristol: Policy Press. P. 9–21. DOI: <https://doi.org/10.51952/9781447367468.ch002>
- Lloyd-Sherlock P. (2000) Population Ageing in Developed and Developing Regions: Implications for Health Policy. *Social Science & Medicine*. Vol. 51. No. 6. P. 887–895. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0277-9536\(00\)00068-X](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(00)00068-X)
- Loe M. (2010) Doing It My Way: Old Women, Technology and Wellbeing. *Sociology of Health & Illness*. Vol. 3. No. 2. P. 319–334. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9566.2009.01220.x>
- Machielse A. (2016) *Afgezonderd of Ingesloten? Over Sociale Kwetsbaarheid van Ouderen*. Rotterdam: Universiteit voor Humanistiek.
- Marini M.M. (1984) Age and Sequencing Norms in the Transition to Adulthood. *Social Forces*. Vol. 63. No. 1. P. 229–244. DOI: <https://doi.org/10.1093/sf/63.1.229>
- Marshall V.W., Mueller M.M. (2003) Theoretical Roots of the Life-course Perspective. *Social Dynamics of the Life Course*. New York: Aldine de Gruyter. P. 3–32.
- Martinson M., Berridge C. (2015) Successful Aging and Its Discontents: A Systematic Review of the Social Gerontology Literature. *The Gerontologist*. Vol. 55. No. 1. P. 58–69. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnu037>
- Means R. (2007) Safe as Houses? Ageing in Place and Vulnerable Older People in the UK. *Social Policy & Administration*. Vol. 41. No. 1. P. 65–85. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2007.00539.x>
- Meisner B.A. (2022) Are You OK, Boomer? Intensification of Ageism and Intergenerational Tensions on Social Media Amid COVID-19. In: *Leisure in the Time of Coronavirus*. New York: Routledge. P. 83–88.
- Milligan C. (2016) *There's No Place Like Home. Place and Care in an Ageing Society*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315551128>
- Montepare J.M. (2009) Subjective Age: Toward a Guiding Lifespan Framework. *International Journal of Behavioral Development*. Vol. 33. No. 1. P. 42–46.
- Mulley G. (2012) A History of Geriatrics and Gerontology. *European Geriatric Medicine*. Vol. 3. No. 4. P. 225–227. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eurger.2012.06.007>
- Nash K. (2001) The “Cultural Turn” in Social Theory: Towards a Theory of Cultural Politics’. *Sociology*. Vol. 35. No. 1. P. 77–92. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0038038501000050>
- Pani-Harreman K.E., Bours G.J., Zander I., Kempen G.I., van Duren J.M. (2021) Definitions, Key Themes and Aspects of “Ageing in Place”: A Scoping Review. *Ageing & Society*. Vol. 41. No. 9. P. 2026–2059. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X20000094>

- Powell J.L. (2024) Pandemics, Welfare, and Aging. In: Aging, Aging Populations and Welfare. In: *International Perspectives on Aging*. Vol. 40. Cham: Springer. P. 45–59. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-56399-7_4
- Powell J.L., Hendricks J. (2009) The Sociological Construction of Ageing: Lessons for Theorizing. *International Journal of Sociology and Social Policy*. Vol. 29. No. ½. P. 84–94. DOI: <https://doi.org/10.1108/01443330910934745>
- Restrepo H.E., Rozental M. (1994) The Social Impact of Aging Populations: Some Major Issues. *Social Science & Medicine*. Vol. 39. No. 9. P. 1323–1338.
- Rowe J.W., Kahn R.L. (1987) Human Aging: Usual and Successful. *Science*. Vol. 237. No. 4811. P. 143–149. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.3299702>
- Rowe J.W., Kahn R.L. (1997) Successful Aging. *The Gerontologist*. Vol. 37. No. 4. P. 433–440.
- Settersten R.A. (2003) Propositions and Controversies in Life-Course Scholarship. In: Settersten R.A. (ed.) *Invitation to the Life Course: Toward New Understandings of Later Life*. Amityville: Baywood Publishing. P. 15–45.
- Sixsmith A., Sixsmith J. (2008) Ageing in Place in the United Kingdom. *Ageing International*. Vol. 32. P. 219–235. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12126-008-9019-y>
- Stets J.E., Burke P.J. (2003) A Sociological Approach to Self and Identity. *Handbook of Self and Identity*. New York: Guilford Press. P. 128–152.
- Stowe J.D., Cooney T.M. (2015) Examining Rowe and Kahn's Concept of Successful Aging: Importance of Taking a Life Course Perspective. *The Gerontologist*. Vol. 55. No. 1. P. 43–50. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnu055>
- Symonds A., Kelly A. (eds.) (1998) *The Social Construction of Community Care*. Basingstoke: Macmillan.
- Tibbitts C. (ed.) (1960) *Handbook of Social Gerontology: Societal Aspects of Aging*. Chicago: University of Chicago Press.
- Twig J., Martin W. (2015) The Field of Cultural Gerontology. *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*. London: Routledge. P. 1–16.
- Uhlenberg P. (1992) Population Aging and Social Policy. *Annual Review of Sociology*. Vol. 18. No. 1. P. 449–474. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.so.18.080192.002313>
- Van Dijk H. (2015) *Neighborhoods for Ageing in Place*. Rotterdam: Erasmus University Rotterdam.
- Van Dyk S. (2014) The Appraisal of Difference: Critical Gerontology and the Active-Ageing-Paradigm. *Journal of Aging Studies*. Vol. 31. P. 93–103. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2014.08.008>
- Van Hoof J., Kort H.S., Rutten P.G., Duijnste M.S.H. (2011) Ageing-in-Place with the Use of Ambient Intelligence Technology: Perspectives of Older Users. *International Journal of Medical Informatics*. Vol. 80. No. 5. P. 310–331. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijmedinf.2011.02.010>
- Vermij L. (2016) *Kleine Gebaren*. Hague: Sociaal Cultureel Plan Bureau.
- Versey S.H. (2015) Activity Theory. In: Whitbourne S.K. (ed.) *The Encyclopedia of Adulthood and Aging*. Hoboken: John Wiley & Sons. P. 1–8.
- Walker A. (2002) A Strategy for Active Ageing. *International Social Security Review*. Vol. 55. No. 1. P. 121–139. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-246X.00118>
- Walker A., Foster L. (2013) Active Ageing: Rhetoric, Theory and Practice. In: *The Making of Ageing Policy*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 27–52.
- Walsh K., O'Shea E., Scharf T. (2020) Rural Old-age Social Exclusion: A Conceptual Framework on Mediators of Exclusion across the Lifecourse. *Ageing & Society*. Vol. 40. No. 11. P. 2311–2337. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X19000606>
- Wanka A., Kolland F., Psihoda S. (2015) Job Strain and Coping among Ageing Baby Boomers. *Zeitschrift Für Gerontologie Und Geriatrie*. Vol. 48. No. 6. P. 511–516. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00391-015-0929-5>
- Wanka A., Moulart T., Drilling M. (2018) From Environmental Stress to Spatial Expulsion-Rethinking Concepts of Socio-Spatial Exclusion in Later Life. *International Journal of Ageing and Later Life*. Vol. 12. No. 2. P. 25–51. DOI: <https://doi.org/10.3384/ijal.1652-8670.18402>

Wiles J.L., Leibing A., Guberman N., Reeve J., Allen R.E. (2012) The Meaning of “Aging in Place” to Older People. *The Gerontologist*. Vol. 52. No. 3. P. 357–366. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnr098>

Wilkinson-Meyers L., Brown P., McLean C., Kerse N. (2014) Met and Unmet Need for Personal Assistance among Community-Dwelling New Zealanders 75 Years and Over. *Health & Social Care in the Community*. Vol. 22. No. 3. P. 317–327. DOI: <https://doi.org/10.1111/hsc.12087>

Zhao Y., Thomas S.L., Guthridge S.L., Wakerman J. (2014) Better Health Outcomes at Lower Costs: The Benefits of Primary Care Utilisation for Chronic Disease Management in Remote Indigenous Communities in Australia’s Northern Territory. *BMC Health Services Research*. Vol. 14. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1186/1472-6963-14-463>

Сведения об авторах:

Парфенова Оксана Анатольевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** oparfenova@socinst.ru. **РИНЦ Author ID:** [821051](https://elibrary.ru/author/details.action?id=821051); **ORCID ID:** [0000-0001-6187-7947](https://orcid.org/0000-0001-6187-7947); **ResearcherID:** [JXL-5006-2024](https://publons.com/author/2024/JXL-5006-2024/).

Петухова Ирина Сергеевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** irini-ptz@yandex.ru. **РИНЦ Author ID:** [748740](https://elibrary.ru/author/details.action?id=748740); **ORCID ID:** [0000-0002-5218-6658](https://orcid.org/0000-0002-5218-6658); **ResearcherID:** [AAB-6880-2022](https://publons.com/author/2022/AAB-6880-2022/).

Статья поступила в редакцию: 14.12.2024

Принята к публикации: 04.03.2025

БАК: 5.4.1

**Blurring Age Boundaries and Normativity of Aging:
A Review of Key Theoretical Approaches**

DOI: [10.19181/inter.2025.17.2.1](https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.1)

Oksana A. Parfenova *Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russia
E-mail: oparfenova@socinst.ru*

Irina S. Petukhova *Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russia
E-mail: irini-ptz@yandex.ru*

The article provides a comprehensive overview of the evolution of theoretical approaches to the study of aging in the social sciences, revealing their relationship with changes in social policy regarding older people. The aim of the work is to consider how various theoretical concepts form the basis for blurring strict age boundaries and the normativity of aging, and how the achievements of the social sciences are reflected in practical measures of social policy. The authors analyze the key concepts (successful/active aging, critical and cultural gerontology,

the concept of the life course and aging in place) demonstrating the transition from biological determinism to understanding aging as a socially constructed process and identifying their roles in shaping modern longevity policies. The article shows that the paradigm shifts in aging studies (from the medical model to the socio-cultural one) reflects the global challenges of the second demographic transition. The authors conclude that modern theories of aging and social policy measures regarding older people are synchronized to a certain extent. The blurring of rigid age boundaries is in its own way beneficial to states interested in extending the economically active lifespan of older people. Certain concepts of ageing are used to confirm and justify social policy measures. The emphasis on practitioners' attention to the achievements of social sciences in the field of ageing requires a responsible, attentive and critical approach by researchers to the study of inclusive ageing, emerging inequalities and the rights of the elderly to autonomy.

Keywords: sociology of aging; successful aging; active aging; critical gerontology; cultural gerontology; aging in place; life course perspective; post-pandemic reality

Authors Bio:

Oksana A. Parfenova — Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** oparfenova@socinst.ru. **RSCI Author ID:** 821051; **ORCID ID:** 0000-0001-6187-7947; **ResearcherID:** JXL-5006-2024.

Irina S. Petukhova — Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** irini-ptz@yandex.ru. **RSCI Author ID:** 748740; **ORCID ID:** 0000-0002-5218-6658; **ResearcherID:** AAB-6880-2022.

Received: 14.12.2024

Accepted: 04.03.2025